

Копия.

г. Хельсинки, 25/3 1942.

Ув. Господину Фельдмаршалу Г. Маннергейму.

Главная ставка.
г. Миккели.

Ув. Господин Фельдмаршал!

Чтобы вернуться к обсуждавшемуся нами вчера вопросу, я должен сразу сказать, что после более тщательного обдумывания предмета у меня возникли в отношении него большие сомнения. В оперативном отношении план, несомненно, интересен. Считаю также, что его можно осуществить. Бесспорно, тем самым также в какой-то мере будут улучшены наши передовые линии, если даже и вражеские тыловые сообщения в самом важном месте нового фронта, особенно при очистившемся ото льда Белом море, будут против нынешнего облегчены. Но в любом случае исполнение плана будет лишь полумерой. Ни Сорока, ни Сума захвачены не будут. Однако наступление в районе Парандовы даст, очевидно, врагу повод предположить, что мы устремляемся дальше, и заставит его сосредоточить против нас такие же силы, как если бы речь шла о Сороке или Суме. Тем самым, очевидно, мы втянемся там в упорные бои. С другой стороны, едва ли следует ожидать, что те 5 русских дивизий, которые теперь находятся на линии Повенец – Сеесьярви, непременно отступят, даже если их железнодорожное сообщение будет прервано. Напротив, кажется более соответствующим обычаям русских, что они, даже попав в окружение, будут оказывать упорное и длительное сопротивление и вовлекут всю Маасельскую группу в жестокие бои. Эти сражения, в которые таким образом будут втянуты наши войска как Маасельской, так и Рукаярвиской группы, определённо как причинят значительные людские потери, так и произведут довольно большие материальные затраты, которые не будут в правильном соотношении с ценностью достигнутого. Со стороны немцев мы в этих боях, вероятно, не получим никакого облегчения, не считая ограниченной помощи авиацией. Впрочем, ввиду будущего лета и освобождения Белого моря ото льда, овладение Сорокой или Сумой не получит своей полной значимости ранее зимы 1942-43 гг. Но будем ли мы тогда в состоянии войны с русскими? Если будем, то является неизбежным, чтобы мы постарались по возможности сберечь наши силы, вооружение, снаряжение и запасы. Может быть, в данный момент нужно принять во внимание и ту, надо надеяться, весьма малую вероятность, что немцам придётся отступить на Петербургском фронте. Такой случай, несомненно, доставит нам в любом случае большие затруднения и опасности, которые будут тем больше, если одновременно все наши войска Маасельской и Рукаярвиской групп будут связаны тяжёлыми боями.

Нужно принять во внимание риск конфликта с Америкой, который, возможно, будет вызван нашими наступательными действиями. Правда, я полагаю, что Америка объявит нам войну, если сочтёт это выгодным для себя, совершенно независимо от наших действий. Сама она едва ли желает войны с Финляндией, но по требованию России она может её объявить, как поступила в своё время и Англия. Наше наступление в направлении Сороки сможет дать России повод вымогать у Америки такое объявление войны и, возможно, понизит нежелание Америки пойти навстречу такому требованию. Я бы также счёл во многих отношениях сомнительным тем или иным способом заранее сообщать Америке, что наше наступление ограничивается лишь такими-то и такими-то целями, и тем самым пытаться смягчить, возможно, произведённое им неблагоприятное впечатление.

Если весеннее наступление немцев и их союзников на главных фронтах удастся в соответствии с ожиданиями, и русские будут решительным образом разгромлены, то определённо положение разрешится и на наших фронтах относительно легко, даже если и не начнётся запланированное наступление. Если же их наступление не удастся, и русские окажутся победителями, будет лучше, если мы не продвинемся слишком далеко. Так как для себя мы в общих чертах достигли того, что планировалось в начале войны как наша цель, а немцы, напротив, вовсе не смогли на севере исполнить то, что они должны были сделать, то у немцев не должно быть ничего, чтобы нам предъявить по

поводу нашей относительной пассивности в нынешних условиях. Ведь мы во всяком случае и далее связываем пару десятков русских дивизии, и это требует от нас относительно бóльших усилий и жертв, чем ныне приносит любой отдельно взятый собственно союзник Германии. Кроме того, переформирование наших войск ещё не завершено, и слабость наших транспортных средств при проведении наступления наверняка доставит затруднения, особенно если его, хотя бы отчасти, придётся проводить во время распутицы.

Может оказаться, что мои сомнения и тревоги необоснованны и мотивы неверны. Я упомянул о них Вальдену. С другими я из-за характера дела не пожелал разговаривать. Я и это письмо написал сам своим плохим почерком. Господин Фельдмаршал, естественно, совершенно свободен решать вопрос по своему разумению. В соответствии со своим обещанием, я, тем не менее, пожелал изложить свои сомнения.

С совершеннейшим почтением

РИСТО РЮТИ.

(Перевод с финского: Андрей Абрамович Никитин.)